

Семье Ма пришлось солоно. Обрушившийся дом был лишь полбеды — куда страшнее оказалось то, что весь свежий урожай, только-только убранный в закрома, превратился в пепел. Ни единого зёрнышка не уцелело. Для крестьянской семьи, чей достаток целиком зависел от этих запасов, подобная потеря была сродни смертному приговору. Женщины Ма завывали от горя с самой полуночи, и плач их не стихал ни на мгновение.

Чжао-гэр лишь молча думал о том, что это справедливо.

«Наконец-то та обида, что копилась в сердце, нашла выход»

Во дворе семьи Ма царил хаос: парадный зал и кухня за одну ночь превратились в груды руин. Эти две комнаты были единственными нежилыми в доме. Готовя взрывчатку, Фан Цзычэнь выверил её силу с ювелирной точностью: он намеревался разнести ровно ту часть владений, что наметил, ни пядью больше, ни пядью меньше. Однако он не учёл, что на заднем дворе обитали старая свиноматка и десяток цыплят, которых те приберегали к Новому году. Все они погибли под градом обломков.

Та свиноматка служила хозяевам верой и правдой многие годы, принося по два-три помёта за сезон, причём всякий раз исправно выдавала по двенадцать поросят. В деревне свиней кормили простыми отрубями да травой, отчего мясо их было жёстким и жилистым, а жира почти не нарастало — за такую тушу много не выручишь. Домочадцы буквально души в ней не чаяли, и теперь, когда кормилица испустила дух, их горю не было предела.

Фан Цзычэнь, узнав о гибели невинного животного, скорбел ровно две секунды, после чего философски заметил:

— Ами табха, какой грех, какой грех.

Деревенские старики, осмотрев пепелище, лишь качали головами. Глядя на обугленную землю, они шептались, что семья Ма навлекла на себя гнев небес своими бесчинствами, и Лэй-гун лично спустился, чтобы покарать их молнией. Эти слухи мгновенно разлетелись по округе, и вскоре в них поверила вся деревня.

Когда Старшая госпожа Ма отправилась за водой и услышала перешёпоты за спиной, она не выдержала. Смерив яростным взглядом судачивших женщин, она сплюнула и прикрикнула на ту, что указывала на неё пальцем:

— Бесчинства? Какие ещё бесчинства мы творили? А ну говори в глаза, не то живая отсюда не уйдёшь!

Ей до смерти хотелось сорвать на ком-нибудь злость, кипевшую в груди. Но женщина не

испугалась:

— Будто я сама должна говорить! Сами-то небось лучше нашего знаете, что натворили.

— И то верно! — подхватил один старый фулан. — Твой старик хотел Гуай-цзя в реке утопить, а вы всей семьёй Чжао-гэра почём зря изводили. Сколько раз вы его чуть до смерти не забили? Про Чжао-гэра и говорить нечего, но ребёнок-то малый в чём виноват? Твари бессердечные, вот вам и воздаяние прилетело.

— Да я слыхала, кое-кто недавно ещё и дитя подговаривал в горы за ядовитыми тварями лезть!

— Как там говорится? Не то чтобы кары нет, просто время её ещё не пришло. Так ведь, а?

Старшая госпожа Ма, услышав это, мгновенно притихла, не смея больше и слова вставить. Её молчание лишь раззадорило соседок, ведь прежде она не упускала случая их обидеть. То тайком подкопает межу на рисовом поле, чтобы воду к себе отвести, то в чужой огород лазейку проделает и кур своих туда загонит, чтобы те чужие овощи попортили. Вредности в ней было не занимать.

Пока женщины перечисляли её грехи, виновнице становилось всё тревожнее. Хоть она и не хотела признавать вину, в глубине души ей начало казаться, что соседки правы. Если это не кара за дурные дела, то почему из всей деревни пострадал именно их дом? Даже соседнее жилище семьи Ван не шелохнулось. За всю свою долгую жизнь она не видела, чтобы молния испепеляла чью-то постройку так беспощадно.

Чем больше она думала, тем сильнее становился страх. Теперь она горько жалела, что втянула того «дикого выродка» в затею с ядовитыми насекомыми.

***

Когда партия острого соуса была готова, Чжао-гэр обошёл несколько лавок в городке и закупил небольшие склянки. Наполнив двадцать бутылочек, он решил на следующий день выставить их на пробу, чтобы посмотреть, как пойдёт дело.

Накануне они долго спорили с мужем о цене. Чжао-гэр полагал, что двадцати вэнь за бутылочку будет вполне достаточно: чеснок и перец стоили копейки, и лишь рапсовое масло обходилось дорого. Но Фан Цзычэнь, едва услышав это, отрезал:

— Продавай по сотне вэнь.

Юноша тогда едва не потянулся проверить, не начался ли у супруга бред. Однако Цзычэнь лишь успокаивающе сжал его руку, заметив, что в торговле без хитрости не обойтись. Хотя цена и казалась завышенной, он был уверен, что покупатели обязательно найдутся.

В городке Фуань такой соус был в диковинку, а местная еда отличалась простотой. Фан Цзычэнь понимал: за эксклюзив всегда найдутся желающие заплатить. Деревенские ни за что не отдали бы такие деньги за приправу, но для горожан сотня вэнь была сущим пустяком.

Чжао-гэр при расчётах забывал учитывать собственный труд — ведь шинковать горы перца, измельчать чеснок и обжаривать специи было делом ох каким непростым. К тому же соус получился настолько вкусным, что с ним, по мнению Цзычэня, можно было съесть даже дерьмо. Сотня вэнь казалась ему даже слишком низкой ценой.

Едва на следующее утро они открыли лавку и распечатали первую банку, как аппетитный аромат привлёк первых покупателей. Услышав цену, один мужчина даже вздрогнул, едва не выронив купленную кровяную колбасу:

— Что это за диковина такая, раз за маленькую склянку просишь целое состояние?

Чжао-гэр предложил сомневающимся попробовать соус, обмакивая в него кончики чистых деревянных палочек. Глаза у попробовавших мгновенно загорались.

— Цена и впрямь немалая, — заговорил он, вспоминая наставления мужа, — но мы не пожалели лучшего рапсового масла, добавили редких целебных трав, сахар и соль. По правде говоря, за сотню вэнь я едва окупаю свои труды.

В Фуане это масло было привозным и ценилось выше свиного жира. В соусе его было в избытке, а необычный вкус — ароматный, но не жирный, острый, но не обжигающий — заставлял тянуться за второй порцией. От него просто невозможно было оторваться.

Заметив интерес в глазах людей, Чжао-гэр приободрился:

— В чистом виде он солоноват, но если добавить его к маньтоу, лапше или каше — вкуснее ничего не найдёте. Мой муж его просто обожает.

Покупатели, раззадоренные ароматом, начали сдаваться. Несколько грузчиков с пристани, получавшие неплохие деньги за тяжёлый труд, решили не скупиться:

— А ну, дай-ка нам пару бутылок!

Работа на пристани была тяжёлой, заработок приличным, так что не было нужды во всём себе отказывать. К тому же этот соус и впрямь был хорош: с ним даже дешёвые пустые маньтоу станут деликатесом. Это куда выгоднее, чем покупать в лавке пельмени или вонтоны, где в начинке один чесночный лук вместо мяса — сплошной обман. Тремя маньтоу с соусом можно наесться досыта, сэкономив при этом немало серебра.

Вслед за ними потянулись и другие. Двадцать бутылок соуса разошлись так быстро, что за

последние склянки покупатели едва не устроили потасовку.

Чжао-гэр прижимал к груди мешочек с медяками, и сердце его радостно колотилось. Однако, взглянув на лоток с кровяной колбасой, он нахмурился. Обычно к полудню она уже заканчивалась, а сегодня осталась почти нетронутой. Расспросив людей, он всё понял: на соседней улице кто-то тоже начал торговать таким же товаром.

Юноша знал, что рецепт несложен и рано или поздно его повторят, но не ожидал, что конкуренты объявятся так скоро. Лишь к вечеру ему удалось распродать остатки. Собравшись закупить новые бутылочки, он заглянул в лавку, но хозяин буквально выставил его вон.

— Убирайся! Видеть не желаю твою рожу, гэр несчастный!

Чжао-гэр застыл на пороге, чувствуя, как к горлу подкатывает обида.

«Я ведь пришёл как покупатель, с честными деньгами... Он сказал, что склянок нет, но почему в такой грубой форме?»

Хозяин лавки толкнул его так сильно, что Чжао-гэр пошатнулся и едва не рухнул на камни мостовой. Но в последний миг чьи-то крепкие руки подхватили его со спины.

— С вами всё в порядке?

Мягкий, бархатистый голос раздался над самым ухом. Юноша вздрогнул и, осознав, как близко к нему стоит незнакомец, поспешно отступил на два шага.

— Благодарю вас, я не пострадал.

Он поднял взгляд. Его глаза, чистые и ясные, точно у ребёнка, и нежный румянец, разлившийся по щекам от смущения, заставили сердце Чжан Хуайвэня пропустить удар. Он стоял и смотрел на юношу, очарованный его простой красотой. Фулан Фан, почувствовав неловкость от столь пристального взгляда, нахмурился и уже собрался уйти, когда незнакомец окликнул его:

— Пойдите...

<http://bllate.org/book/15357/1439098>